

Стойкая мечта туриста – отдых в отеле с системой «все включено». Почти коммунизм, тот самый, что когда-то обещали советским людям, где каждому – по потребностям. Коммунизм так и не наступил, а скатерть-самобранка – вот она, в виде «шведского стола». Все на нем есть, но почему же мне так грустно? В ощущениях разбирается наш спецкор

Странный город меж твердью и небом

Есть ли жизнь в Венеции? И насколько ее еще хватит?

• ЗАПИСКИ
ПУТЕШЕСТВЕННИКА •

Этот великий город ежегодно посещают 12 млн туристов – почти в 50 раз больше, чем самих венецианцев. Теснитые толпами приезжих, жаждущих приобщиться к таинственному обаянию этих камней, воды и неба, существующих в одном невероятном пространстве, убегая от вечного праздника, шума и суеты, коренные обитатели Венеции перебираются на материк. Хотя всякий, кто даже мельком прикоснулся к жизни среди старых стен и зеленоватых каналов, далеко от Венеции убежать не может. Она навсегда остается в его сердце.

ЯЦЕК ПАЛКЕВИЧ

польский путешественник и писатель
WWW.PALKIEWICZ.COM

Я обожаю Венецию. Мой интерес к ней насчитывает более 40 лет. Именно там я познакомился с моей женой Линдой. Живя в городке Бассано-дель-Граппа, который в XV веке входил в состав Венецианской Республики, мы бывали в Венеции бесчисленное количество раз, охотнее всего – в низкий сезон, когда жемчужина итальянского туризма получает хоть какую-то передышку от вечного нашествия.

В Венеции все туристы бредут по одному проторенному путеводителями маршруту. Мало кто сворачивает с людной трассы в лабиринт узких улочек, где все дышит покоем, сплетающим между собой действительность, фикцию и фантазию. Прелестный, тронутый патиной времени исторический район Каннареджо с его характерной атмосферой, правда, далек от открыточной Венеции, зато позволяет в полной мере ощутить дух эпохи Марко Поло.

Прелесть и особый ореол придает именно будничность: развесанное между домами и балконами для просушки белье (кстати, недавно в результате бурных дебатов городские власти объявили войну старой традиции сушить исподнее над головами гуляющих). Здесь же под гирляндами развесанных руках и простыней перекрывают друг друга три женщины (здесь все так разговаривают, удивительно, как они ухитряются еще и слышать собеседниц, если все говорят одновременно?). У их ног притулились живописные корзины с овощами и обитателями окрестных глубин с местного рынка.

ФОТО НАТАЛЬИ ГАРНЕЛИС/ТАСС

ФОТО АВТОРА

12 МЛН

туристов посетили Венецию в прошлом году. Это почти в 50 раз больше, чем самих венецианцев

казалось, что это место – предел, исполнение всех желаний и мечтаний художника. А писатель Герман Мелвилл полтора века назад заметил: «Я предпочитаю быть в Венеции в один дождливый день, чем в ясный день в любой другой столице».

Впрочем, отполированные более чем тысячелетней историей и бесчисленными восторгами очевидцев, здешние площади, стены и мосты вызывают не только радостные эмоции. Какое-то шороховое, щемящее чувство возможной утраты чуда, явившегося вдруг на глаза, не оставляет тебя с первого шага по этой земле. Искусствовед Джон Рескин в «Камнях Венеции» написал гимн в честь красоты, исключительности, но и хрупкости этого города. Именно хрупкость, уязви-

стю обитания. Поколения художников, фотографов, писателей, режиссеров и композиторов пытались уловить его неповторимую силу воздействия и отразить ее в своем творчестве. Сказать, что Венеция покоряет человека, не сказать ничего. А иначе откуда было бы взяться этим миллионам желающих прикоснуться к чуду?

Говорят, Ансельм Кифер, один из выдающихся современных художников, когда приехал сюда впервые, сел и заплакал. Ему по-

казалось, что это место – предел, исполнение всех желаний и мечтаний художника. А писатель Герман Мелвилл полтора века назад заметил: «Я предпочитаю быть в Венеции в один дождливый день, чем в ясный день в любой другой столице».

Впрочем, отполированные более чем тысячелетней историей и бесчисленными восторгами очевидцев, здешние площади, стены и мосты вызывают не только радостные эмоции. Какое-то шороховое, щемящее чувство возможной утраты чуда, явившегося вдруг на глаза, не оставляет тебя с первого шага по этой земле. Искусствовед Джон Рескин в «Камнях Венеции» написал гимн в честь красоты, исключительности, но и хрупкости этого города. Именно хрупкость, уязви-

КСТАТИ

В предстоящее воскресенье в Венеции будет «пир во время чумы» – традиционный фестиваль Феста дель Реденторе. Накануне повсюду выносятся столы на улицы, во дворы и на крыши и накрываются для праздничного ужина. Так венецианцы празднуют уход чумы, унесшей в XVI веке 50 тысяч горожан – третью часть всего населения. Именно тогда от страшной болезни погиб и великий Тициан... Люди устремляются по специально наведенному мосту на остров ДжуДЕККА к центру празднества – церкви Реденторе. Ее построили в честь спасения от чумы 1575–1576 годов.

Великий город пережил много бед и напастей. Переживет и туристическое нашествие?

мость поселяет в дрожащем воздухе грусть, увлажняет глаза без видимой причины. Так женщину начинаешь любить в тысячу раз сильнее и нежнее, когда чувствуешь ее одиночество и беззащитность в суровом мире...

Ужасно представить закат и гибель этого города-музея. Лорд Байрон изображал декаданс, описывая гибнущую славу, которая продолжает жить только ради искусства: «Здания разрушаются, музыки уже не слышно, эти дни миновали, осталась только красота...» Оноре де Бальзак воспринимал Венецию как «умиравший город, который постоянно погружается в могилу». А Ги де Мопассан писал о «прекрасной горделивости былого великолепия, где все, кажется, обратилось в руины и в любой момент может затонуть».

Венецией восхищались Жан-Жак Руссо, Томас Мэнн, Франческо Петrarка, Иоганн Вольфганг Гете. Здесь черпали вдохновение Рихард Вагнер и Вольфганг Амадей Моцарт. Неотразимое обаяние Венеции покоряло великих россиян – от Чайковского, написавшего здесь свою Четвертую симфонию, и Чехова до Бродского. Чехов посетил Венецию через два месяца после своей поездки на Сахалин. Говорят, писатель повторил путь Данте: побывав в ад Сахалина, отправился на поиски рая и нашел его в Венеции...

Орды туристов, ведомые желанием увидеть площадь Сан-Марко, Палаццо Дукале или Понте Риальто, осаждают Венецию. В прошлом году ее посетили более 12 млн туристов со всего мира – вдвое больше, чем 20 годами ранее. Ежегодно они приносят в казну 2 млрд долларов, но ведь и потери велики.

Город с трудом держит оборону от нашествия. «Наша жизнь не легка, – сетует моя знакомая венецианка Кристина Каберлотто. – Выходишь из дома – и попадаешь в толпу. С трудом втиснешься на переполненный гостями города вапоретто. К этому надо добавить завышенную стоимость жизни, безработицу и постоянные проблемы, связанные с ремонтом жилья. Неудивительно, что местные массово переселяются на материк по соседству, в безликий, лишенный истории город Местре, где течет обыденная жизнь...»

«Еще 70 лет назад здесь проживали 110 тысяч человек, сегодня нас в два раза меньше, – подчеркивает Андреа Фуско. – Я тоже скоро уеду туда, где есть торговые центры, спортивные залы, дискотеки или пиццерии с доступными ценами. Конечно, буду тосковать. Но жить в экстремальных условиях не каждому по силам».